

1. Марко Сопельняк, 2. Иван Кравченко, 3. Парамон Бѣлый, 4. Иван Чиж, 5. Демьян Онищенко,
6. Тарас Сопельняк, 7. Порфирий Семак.

ПЛАСТУНЫ 2 И 8 ПЪШИХ БАТАЛІОНОВ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА,
ОТЛИЧИВШИЕСЯ ПРИ ЗАЩИТѢ СЕВАСТОПОЛЯ В 1854—55 ГОДАХ

Ф.А. Щербина

Казаки героя и подвиги
брата. Чуд. об-ва изучения казачества и
Союза кубанских писателей и журналистов
1930, 32 стр. илл.

Казачьей общественности.

Жизнь внѣ родины, тяжелая условия существования в эмиграции и особенно распорашенность казаков в Европѣ и в др. частях свѣта крайне неблагопріятно вліяют на быстрыя сношенія и желательное единеніе казаков между собою. По мыслѣ предсѣдателя О-ва и идеиного его руководителя старѣйшаго казака-черноморца с Кубани профессора Ф. А. Щербины, правленія Общества изученія казачества и Союза кубанских писателей и журналистов рѣшили произвести опыт единенія и взаимоотношений между казаками всѣх войск в области казачьих дѣяній героического и высокоморального характера. Данныя о героях казачьяго духа в этом смыслѣ слабо использованы печатью, но их очень много в казачьих архивах и еще больше в семейных хрониках казаков и в устной передачѣ. По своему содержанію и колориту, согласно с общепринятыми моральными взглядами на борьбу за родину и защиту ея населенія, факты о героях казачьяго духа имѣют огромное нравственное и воспитательное значеніе для самих казаков и могут дать точныя и правильныя свѣдѣнія о казачествѣ иностранцам, имѣющим, скучная, одностороння и нерѣдко превратная представленія о казаках с их демократическими учрежденіями и историческим стажем народоправства, слагавшихся при неблагопріятных условіях.

Наиболѣе подходящим способом связи казачьих писателей и читателей можно считать распространеніе свѣдѣній из казачьей жизни и дѣятельности в видѣ небольших и возможно дешевых брошюр. Необходимо, чтобы, для дальнѣйшаго развитія предпринимаемаго дѣла, оно было обосновано именно на принципѣ взаимного общенія казаков. Нужно, чтобы казаки не только читали, но и сообщали такого же рода, как в брошюрах, свѣдѣнія для новых изданий из своих семейных хроник, циркулирующих среди казачьяго населенія рассказов, неиспользованных еще сырых материалов и вообще дѣлились указаніями на малоизвѣстные источники и на знающих лиц или извѣстных разсказчиков о характерных подвижниках и эпизодах из казачьей жизни и дѣятельности. Особенно желательны сообщенія о героях и подвижниках казачьяго духа, участвовавших в послѣдней міровой войнѣ и в войнѣ казаков с Советской Россией. В данном случаѣ просьба к казакам, чтобы они присыпали

в Общество изучения казачества материалы и сообщения, не стъняясь формою изложения; важно, чтобы был точен факт и ясны условия его совершения.

Предпринимаемым опытом правления двух казачьих культурно-научных организаций преслѣдуют, на ряду с подъемом казачьего духа и самосознания, цѣль не наживы, а образование своего денежного казачьего фонда, в который будут поступать всѣ, за исключением самых необходимых расходов, излишки. С этой же цѣлью будут предприняты и переводы казачьих изданий на иностранные языки, для содѣйствія, при реализации которых, было бы желательно получить указания со стороны казаков, живущих в различных государствах, и близко знакомых с условиями мѣстной жизни и печатного рынка.

Издания будут выходить отдельными брошюрами или сериями на русском и украинском языках. На первый раз взяты готовые показательные очерки из книги проф. Ф. А. Щербины „Очерки борьбы русских с чёркесами“, изданной в 1912 г. и представляющей библиографическую рѣдкость. Материалы для очерков автор черпал главным образом из архивных источников, работая над составлением своих капитальных трудов — первого и второго томов „Истории кубанского казачьего войска“. Названные очерки помѣчены 1-м выпуском и из 35 очерков для настоящей брошюры взято лишь 12 эскизов, характеризующих различные роли и положения казачьих героев и подвижников в разных условиях.

Приступая к дѣлу, мы питаем искреннюю надежду на содѣйствіе в предпринимаемом опыте всѣх казачьих организаций, начиная с их верхов и до низов, в особенности казачьих станов и передвижных организаций, соприкасающихся при передвиженіях со своими собратьями казаками в разных мѣстах эмиграціи. Общее казачье дѣло в области казачьего геройства и подвижничества требует общаго содѣйствія казачьих организаций при реализации его.

Правленія Общества изученія Казачества и Союза кубанских писателей и журналистов.

Прага. 1930.

От автора.

Взятые из моей книги 12 очерков заключают уже в себѣ двѣ характерные черты для той высокодраматической и переполненной ужасами эпопеи, которая называется Кавказской войною с горцами и которая длилась непрерывно почти 70 лѣт. Фактическое содержание, взятое для этих очерков, дает представление, с одной стороны, о жертвенной службѣ казаков в не-

многих, но ярких эпизодах казачьего героизма и подвигов
— о началѣ Кавказской войны и о пятидесятилѣтнем періоде
мирной жизни послѣ войны, при участіи в обоих періодах гор-
цев и казаков, в данномъ случаѣ главнымъ образомъ кубанскихъ
казаков и в слабой, по обѣму матеріалов, степени терскихъ и
донскихъ. Кавказская война началась с той поры, когда кубанские
казаки заняли подъ свои территории и жилища земли, примыка-
ющія с правой стороны Кубани.

„Коли пани скубутся, у хлопців чуби тріщать“, гласит
украинская поговорка, приложимая и къ Кавказской войнѣ. Въ
историческомъ ходѣ событий панами были Сѣверный Левіафан,
входившій въ полную силу, и южный Падишахиамъ, начавшій по-
шатываться въ своемъ величіи — Россія и Турція, а хлопцами
оказались живущіе рядомъ сосѣди — горцы и казаки. Въ сосѣд-
скихъ взаимоотношеніяхъ горцы придерживались своей идеологіи
и обычаяевъ, а казаки своихъ. Различія обусловливались степенью
культурности тѣхъ и другихъ. Горцы придерживались болѣе при-
митивной военной идеологіи и обычаяевъ, чѣмъ казаки, и въ этомъ
различіи крылись уже причины мелкихъ столкновеній и загорав-
шейся вражды, портившихъ взаимоотношенія сторонъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на столь рѣзкія различія въ воен-
ной идеологіи и обычаяхъ сосѣдей — казаковъ и горцевъ, народъ по
обѣимъ сторонамъ Кубани былъ народомъ. При занятіи черноморца-
ми своей территории, между ними и сосѣдними черкесами были
самыя дружественные отношенія: они мирно, бокъ о бокъ жили,
навѣщали другъ друга, а горцы, какъ старые хозяева въ краѣ,
надѣляли черноморцевъ сѣменами, скотомъ, садовыми саженцами и
др. предметами для постановки и веденія хозяйства. Добрья от-
ношенія продолжали существовать и тогда, когда появились
конфликты въ формѣ хищеній скота у казаковъ и ночной поживы
у нихъ же. Возможно, что эти правонарушенія могли быть ослаб-
ляемы и урегулируемы народнымъ разумомъ и авторитетомъ. До
войны при такихъ условіяхъ дѣло не доходило и не въ нихъ кры-
лись причины войны.

Во взаимоотношеніяхъ между казаками и горцами вмѣшались
паны и повели дѣло по другой линіи. Большая государства —
Россія и Турція, пустили въ оборотъ войну со всѣми ея ужасами
и лишеніями. Въ результатѣ войны большая часть горцевъ пересе-
лилась въ единовѣрную Турцію, а меньшая осталась на родинѣ.
Началась мирная жизнь меньшинства горцевъ на родинѣ. Вотъ тутъ
то непобѣдимая войною историческая эволюція сказала свое
послѣднее слово. Менѣе, чѣмъ черезъ полстолѣтія, горцы и казаки
въ мирныхъ условіяхъ, безъ войны, окончательно скились другъ съ
другомъ. Когда наступилъ освободительный періодъ послѣ революціи
въ Россіи, и кубанские казаки быстро стали на собственныя дем-
ократическія ноги, вмѣстѣ съ ними стали единоправными и еди-

номышленными членами и горцы. Когда же грянула война с большевиками, горцы пошли рука об руку с казаками против общаго врага и также, как казаки, жертвовали жизнью и достоянием за родной Кубанский край и независимость его полноправного населения.

Таким образом, на зарѣ XIX столѣтія, перед началом войны с горцами, войною быстро были придушены завязавшіяся добрыя отношенія казаков с горцами, а в началѣ XX вѣка, послѣ 50-лѣтней совмѣстной мирной жизни, горцы и казаки стали не врагами, а единомышленниками в своих жизненных потребностях и соціальном строительствѣ. Факт высокого исторического значенія. Произошел огромный сдвиг в идеологии сожительствующих народностей. Прежніе враги несомнѣнно носят уже в себѣ близкіе по идеологіи задатки в духѣ общечеловѣческих идеалов материальной культуры и духовнаго развитія.

Находясь в эмиграції, казаки в своих головах и сердцах вынашивают в данный момент мучительный вопрос: быть или не быть казачеству? Ни один казак, любящій свою родину и сложившіеся исторические устои и порядки своей демократической жизни, не отвѣтит, конечно, отрицательно на этот вопрос.

Приведу другую поговорку: „гуртом і батька добре бить“, а вѣдь у казаков не родных, а непрошеных „батьків — ни проглянуть, ни продуть“. Цур им! Казаки и без них уже совершили раз свой исторический акт. Послѣ революціи в б. Россіи они сразу же на началах народоправства построили свои демократическія учрежденія и органы самоуправленія, но провели это не сообща, а обособленно каждым войском. Почему бы частично не повторить нѣчто маленькое, общедоступное, легко практически исполнимое, но по своей общеказачьей формѣ большое и показательное: в дополненіе к имѣющимся уже у казачьих научных организацій материалам, пусть казаки дадут с разных мѣст новые материалы — свои мнѣнія, отзывы и факты казачьего геройства и подвигничества, а научные казачьи организаціи разработают и освѣтят то, что особенно дорого казаку и всякому культурному человѣку — факты казачьего героизма и высоких моральных подвигов. У казаков есть что сказать и чѣм оживить себя и поднять бодрый дух у своих же братьев казаков. Казак казака видит издалека. Попробуем, казаки, и говорить, по своей казачьей сноровкѣ, сообща — не только вблизи, но и издали. Дѣйствуйте казаки! Под лежачій камень вода не течет.

Ф. Щербина.

I. ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ ТИХОВСКАГО и 146 СПОДВИЖНИКОВ ЕГО.

Смерть Тиховского и ста сорока шести сподвижников его, сложивших головы в защиту родины, представляет классической примѣр геройских подвигов казачества на Кавказѣ. Люди пали в бою не из воинственного задора, а жертвою нравственного долга перед родиной и населеніем.

Дѣло происходило в январѣ 1810 года. Стояла суровая зима. Льдом покрылась глубокая и бурная Кубань. Благодаря этому, черкесам был открыт свободный доступ в Черноморію и они не замедлили воспользоваться удобствами переправы по льду через Кубань для набѣга.

Из Закубанья до казаков, стороживших кордонную линію, доходили в это время тревожные слухи. Мелкими и крупными партиями черкесы пронирались уже тайком в разных мѣстах линіи через Кубань, в Черноморію. В аулах за Кубанью шла дѣятельная подготовка к войнѣ. Горец Хамыш сообщил 13 января есаулу Порохнѣ, что в горах составлялось грозное военное ополченіе черкесских племен для нападенія на Елизаветинскій и Павловскій кордоны. Что-то жуткое, зловѣщее чувствовалось кругом, точно перед грозой.

И гроза разразилась 18 января.

В 9 часов утра сторожевой раз'езд обнаружил переправу черкесов по льду Кубани, близ Ольгинскаго кордона. Черкесышли на казачью линію огромной толпой. Это было то самое ополченіе горцев, о котором пять дней тому назад Хамыш извѣстил есаула Порохню.

Торжественно, с четырьмя распущенными знаменами — двумя красными и двумя бѣлыми, черкесское ополченіе густыми рядами покрыло Кубань и ея берега. Начальник сторожевого раз'езда зауряд-хорунжій Жировой немедленно дал знать о появлении черкесов в Ольгинской кордон полковнику Тиховскому, незадолго перед тѣм отразившему скопище горцев. В это время через Кубань переправилось уже до трех тысяч всадников. Черкесская пѣхота находилась еще по ту сторону рѣки, готовясь в слѣд за конницей перейти по льду Кубань.

Часть переправившейся конницы сразу же бросилась к Стеблевскому и к Ивановскому куреням, а часть заняла дорогу на Славянскій кордон и отрѣзала всѣ пути сообщенія с Оль-

гинским кордоном. Общее число непрятелей было не менее 4000 человѣк. Горцы приготвлялись громить Ольгинскій кордон.

Но в это время сам кордон пошёл на встрѣчу горцам. Двѣсти казаков, под командою полковника Тиховскаго, с одною трех-фунтовою пушкой, оставили кордон и храбро двинулись против трехтысячнаго войска непрятелей. Произошло нечто невѣроятное по отвагѣ и мужеству. Казаки спѣшились с лошадьми, оставивши их в кордонѣ, сами шли к Кубани, чтобы сразиться с черкесами, густыми массами покрывавшими всю ближайшую мѣстность.

Завязался бой двухсот человѣк с тремя тысячами. Оглашая воздух громкими криками, черкесы надвинулись широкой лавиной на малочисленный казачий отряд. Казалось, что бурный поток черкесских всадников в мгновеніе ока сотрет с лица земли горсть черноморских смѣльчаков.

Но раздался зловѣцій звук казачьаго орудія и дружный залп двухсот ружей — черкесы смѣшились и невольно попятились назад. Цѣлый ряд убитых и раненых горцев остановил атаку. Горцы бросились подбирать пострадавших. Казаки успѣли зарядить пушку и ружья. Раздался новый залп — и новые жертвы оказались в рядах нападавших черкесов.

Подобравши убитых и раненых товарищей, горцы начали отступать. Но как раз в это время к черкесской коннице присоединилась пѣхота, переправившаяся через Кубань. Горцы снова повели атаку против казаков. И снова грянувшая пушка и ружейный залп разстроили наступленіе черкесских всадников и пѣхоты. Казаки не уступали своей позиціи и не упускали ни одного момента, чтобы держать в почтительном отдаленіи многочисленнаго непрятеля, не имѣющаго возможности вредить казакам одним ружейным огнем.

Так продолжалось сраженіе цѣлых четыре часа. Казаки видѣли, что главная их цѣль была достигнута. Они успѣли задержать большую часть черкесскаго ополченія от набѣга на казачьи жилища. Повидимому, малочисленный казачий отряд так и должен был остаться до конца господином сраженія.

Но вдруг показалась новая туча всадников. Это скакали черкесы, ограбивши Стеблевское и Ивановское селенія. На бѣду казаков, выстрѣлы привели новое тысячное подкрѣпленіе горцев с противоположной стороны — в тыл казачьему отряду. Одно уже это ставило в крайне рискованное положеніе отряд Тиховскаго. Но тут над казаками стряслась новая бѣда. У них не хватило ни пушечных, ни ружейных зарядов.

Когда перестали дѣйствовать казачьи ружья и пушка, горцы моментально окружили казачий отряд. Началась жестокая расправа озлобленных черкесов. Весь израненый полковник Тиховскій скомандовал „в ратища!“ чтобы казачьими пиками пробить

отряду дорогу к Ольгинскому кордону, в котором были заряды и можно было найти защиту.

Но конец сражения был короток: горцы задавили своею огромною массою малочисленный казачий отряд. Под ударами черкесских шашек пал прежде всего начальник отряда Тиховский. Убиты были хорунжий Кривошея, зауряд-хорунжий Жировой, 4 урядника и 140 казаков.

Благодаря наступившей темнотѣ, есаул Гаджанов с урядником и 16 казаками успѣли уйти с мѣста боя незамѣченными, но многие из них тут же умерли от ран.

Сорок покрытых ранами казаков были взяты черкесами в плѣн. Пушку горцы торжественно повезли за Кубань, как трофеи побѣды. Но за самую побѣду они заплатили так дорого, что им не пришлось праздновать ее. Только на мѣстѣ сраженія у них оказалось 500 трупов кромѣ раненых.

Так закончился кровавый бой Тиховского и его сподвижников с черкесами. С тѣх пор прошло болѣе ста лѣт и былою порос безпримѣрный подвигъ черноморских героев. Но на страницахъ казачьей исторіи никогда не угаснет святая жертва за родину и родное населеніе и навсегда останется память о самоотверженномъ подвигѣ павшихъ героев. Тиховский и его сподвижники — это наш казачий Леонид и наши казачьи спартанцы.

Но такое значеніе подвига Тиховского и его сподвижников долго было не оцѣнено и не понято современниками. Одни черноморцы душею и сердцем чувствовали величие жертвы сложившихъ головы за родину казаков.

В 1848 году подполковник Барыш-Тыщенко возбудилъ ходатайство о постановкѣ памятника Тиховскому и его сподвижникам. Но черноморцам не разрѣшено было открыть подписку между своими же казаками для сбора пожертвованій на памятник.

Только жители станицы Новокорсунской, не спрашивая разрѣшенія, соорудили въ станичной церкви образ с надписями на нем имен Тиховского, Гаджанова, Кривошеи, Жирового, 4 урядников и 140 казаков.

Несколько годами позже черноморцы снова вспомнили о Тиховскомъ и его сподвижникахъ, и наказный атаман генерал Филиппсон разрѣшилъ подписку пожертвованій на сооруженіе памятника, но тогдашній главнокомандующій войсками кн. А. И. Барятинскій нашелъ неумѣстнымъ такое чествование казачьихъ героев на томъ основаніи, что всѣ они были или убиты или изранены. Вместо монумента разрѣшено было поставить на мѣстѣ битвы простой каменный столб с надписью о событиї.

Наконецъ, въ 1868 году войсковой старшина Вареник еще раз попытался выхлопотать разрѣшеніе на сооруженіе памятника. На этот раз хлопоты черноморцев удались, и памятникъ былъ поставленъ 28 ноября 1869 г.

Нужно было возбудить три ходатайства, чтобы, в течениe 21 года канцелярской переписки, достичнуть столь скромнаго напоминанія потомству о великом подвигѣ.

II. ГЕРОЙ АТАМАН.

Алексѣй Данилович Безкровный был атаманом Черноморскаго войска и неоднократно рисковал жизнью в боях, отставая сражавшихся на ряду с ним казаков. В течениe 28 лѣт своей боевой службы, он участвовал в 100 сраженіях, много раз был ранен и так часто висѣл на волосок от смерти, что казаки называли его не Безкровным, а Бессмѣртным. В 1828 году Безкровный участвовал с черноморскими казаками в осадѣ Анапы.

Анапа была уже в руках русских. Наступил суровый, изобиловавшій бурями, октябрь. Дул сильнѣйшій моряк, югозападный вѣтер, превратившійся в свирѣпый штурм у Анапы. Море ревѣло, клокотало и волнами необычайной величины и силы бросало, как щепки огромная суда. Буря сорвала с якорей стоявшій у Анапы на брант-вахтѣ люгер и понесла его к берегу. Судно и люди были на краю гибели.

Чтобы лучше обезопасить судно от крушения и команду от вѣрной смерти, моряки срубили на нем мачты и сняли с палубы все, от чего парусило судно. Но близ берега оно неминуемо должно было погибнуть от огромных волн и сильного прибоя на скалистой отмели у обрыва. Напрасно моряки употребляли всѣ усилия, чтобы удержать от крушения судно. Штурм, как игрушкой, вертѣл судном, заливая его волнами.

На берегу толпились солдаты, моряки, офицеры. В толпѣ шел говор, строились предположенія о том, как помочь морякам, но всѣ беспомощно опускали руки и не знали, что дѣлать, чтобы спасти гибнувших людей.

В это время к мѣсту происшествія верхом на конѣ подъехал генерал Безкровный, в сопровожденіи нѣсколькоих всадников. Лишь только казачій атаман увидѣл, какой опасности подвергались моряки, как немедленно стегнул нагайкою лошадь и заставил ее броситься в волны. Вплыв на лошади, окатываемый волнами и пѣной, Безкровный приблизился к люгеру. За атаманом послѣдовали верхом на лошадях войсковой старшина Могукоров, сотник Калери и урядник Чайтамиров; борясь с волнами, они ухитрились общими силами снять с люгера команда и матросов и доставили их на берег.

Судно было оставлено в жертву бурѣ, моряки спасены всадниками.

III. ВСЪ ДО ОДНОГО.

Этих всѣх до одного было 50 человѣк: сотник Гречишkin, 3 урядника и 46 казаков Кавказского полка.

Дѣло происходило таким образом.

За Кубанью против Старой Линіи было не спокойно. Горцы собирались в партію и готовились к набѣгам на линію. В сентябрѣ 1829 года командующій войсками правого фланга Кавказской линіи генерал-маіор Антропов получил достовѣрныя свѣдѣнія, что Темиргоевский князь Джембулат Айтеков с братом своим Шумафом составили партію отчаянных наѣздников в 500 человѣк. Джембулат пользовался широкою извѣстностью в горах и на линіи. Это был смѣлый и искусный предводитель черкесских джигитов, производивших набѣги на казачьи владѣнія. Нужно было ожидать дерзкаго нападенія.

В цѣлях предупредительных мѣр по охранѣ линіи, в станицы Григориполисскую и Темижбекскую, между которыми, по слухам, горцы предполагали прорваться на линію, послан был подполковник Донского войска Залещинскій с 250 человѣками резерва и с одним конным орудіем. Сам генерал Антропов, с 300 солдат Навагинского полка и 200 кавалеріи Кубанского казичьяго полка, расположился у Прочноокопа, чтобы, при первой же вѣsti о движenіи горцев, переправиться через Кубань на встрѣчу непріятелю.

В то-же время полковник Навагинского полка Пирятинскій, находившійся за Кубанью в укрѣплениі на р. Псемаф и узнавшій о готовившемся набѣгѣ партіи Джембулата на линію, двинулся 14 сентября, с отрядом в 270 человѣк пѣхоты и 200 человѣк казачьей конницы, при двух орудіях, сначала к р. Фарсу, а оттуда 15 сентября по направленію к станицѣ Тифлисской. Пирятинскій, между прочим, имѣл в виду настигнуть партію 200 турок с двумя орудіями, под начальством турецкаго паши Сеид-Ахмета. Партія эта, по слухам, находилась по пути слѣдованія отряда. Но никого — ни турок, ни черкесов, Пирятинскій не встрѣтил по дорогѣ на Тифлисскую и расположил отряд близ Песчанаго брода степной рѣчушки Зеленчук или Терс.

Между тѣм, командир Кавказского полка подполковник Васмунд, получивши извѣстіе о движenіи отряда Пирятинскаго и ничего не зная о распоряженіи генерала Антропова, приказал сотнику Гречишкіну произвести с казаками поиск непріятеля между Кубанью и Лабой.

В это время значительная часть Кавказского полка была отвлечена из станиц, и Гречишкін мог составить отряд только из 39 казаков станицы Казанской и 20 казаков станицы Тифлисской. С этими силами он переправился 14 сентября через Кубань и двинулся к Зеленчуку.

Казаки шли на рысях, ничего не подозревая. Вдруг в одном из оврагов, близ Песчаного брода на Зеленчукѣ, их окружила партия горцев в 500 человѣк, прежде, чѣм передовые разведчики успѣли прискакать к отряду Гречишкina. Гречишkin с казаками попал как бы в ловушку и не имѣл возможности двинуться ни вперед, ни назад, ни в сторону без того, чтобы не вступить в борьбу с многочисленным непрѣятелем.

Оказалось, что близ Песчаного брода, но в разных мѣстах были три отряда — в одном скрытом от наблюдений мѣстѣ остановился отряд полковника Пирятинскаго, в другом, также укромном мѣстѣ, скрывался Джембулат Айтеков с своими наездниками, а в третьем со стороны Кубани дѣлал поиск небольшой отряд Гречишкina. И каждый отряд не освѣдомлен был о близости остальных двух.

Черкесы, для которых не было никакого сомнѣнія, что они одолѣют казаков, не бросились, однако, сразу на них. Дѣло в том, что Джембулат Айтеков был кунаком, личным прѣятелем, сотника Гречишкina. Гречишkin славился между казаками и черкесами храбростью и отвагой. Это был великан-казак, отличающийся необычайной физической силой и неустрашимостью. Отважный и храбрый Джембулат не мог имѣть иного кунака. Он по своему любил и уважал Гречишкina.

— „Так вот гдѣ, Андрей, нам с тобою пришлось встрѣтиться!“ крикнул будто бы, по рассказам черкесов, Джембулат, замѣтивши издали своего кунака Гречишкina.

Обычай куначества свято соблюдался черкесами. Взять кунака из сакли черкеса можно было, лишь перешагнувши через труп хозяина сакли. Нанести оскорблѣніе кунаку, посягнуть на его жизнь или имущество, в предѣлах владѣній его прѣятеля, значило одно и то-же, что сдѣлать это самому прѣятелю, который отвѣчал за жизнь и благосостояніе кунака в своей сакль и владѣніях. Кунак при этих условіях был его кровником, членом семьи. Но раз кунак переступал порог сакли или границу владѣній прѣятеля, обычай снимал с этого послѣдняго обязательства охраны. Кунак не был уже гостем, так тщательно охраняется родовым обычаем.

Но само собою разумѣется, что естественное чувство дружбы тѣсно связывало кунаков вѣтъ их саклей и владѣній. Кунаки всюду поддерживали друг друга — в боях и в чужой сторонѣ. То же естественное чувство дружбы и личной пріязни заставило Джембулата приказать горцам не трогать казаков Гречишкina. Джембулат расчитывал переговорами сохранить жизнь кунака.

Но напрасно он уговаривал Гречишкina сдаться ему, в виду малочисленности казачьяго отряда; напрасно он доказывал своему прѣятелю, что в этой сдачѣ лично для Гречишкina нѣт ничего постыднаго, что сам он, Джембулат, и его наездники прекрасно знают дѣйствительную цѣну Гречишкину, как храброму

и отважному воину; напрасно он убѣжал кунака, что иного исхода нѣт, так как оба они, Джембулат и Гречишкін, предводительствовали двумя военными и враждебными один другому отрядами.

Гречишкін, прекрасно говоривший по черкесски, рѣшительно заявил кунаку, что ни сам он, ни казаки не сдадутся без боя, не отдадут себя живыми в руки противника. Заняв своим маленьким отрядом боевую позицію, он приказал казакам сбатовать *) лошадей кольцом и залег в этом кругѣ с казаками за лошадьми, как за барьером.

Удивительное зрѣлище скрещенія народного обычая с воинственным пылом происходило на глазах черкесов и казаков. Черкесы прекрасно понимали чувство своего джигита-вожака и в то же время негодовали на него за медлительность столь не свойственную ему. Казаки видѣли и отчетливо сознавали, как постепенно раскрывалась перед ними пропасть военной случайности, могущая в каждую минуту поглотить их. Сам Джембулат находился в ужасном душевном настроеніи; он не мог одновременно спасти кунака и быть предводителем преданных ему горцев.

Между тѣм ропот между черкесами рос и усиливался. Долго не получая приказаній от Джембулата атаковать казаков, они вдруг, точно по чьему то мановенію, с гиком бросились на казаков. Джембулат остался на мѣстѣ и не принял участія в боѣ. Казаки залпами из ружей не допускали горцев перебраться к ним через живой барьер из лошадей.

Началась усиленная перестрѣлка между черкесами и казаками. Черкесы, пользуясь численным превосходством над казаками и болѣе выгодным положеніем, издали разстрѣливали казачью команду, посылая в нее сотни пуль. Казаки не сдавались.

Тогда кто-то из черкесов упрекнул в нерѣшительности своего предводителя. В Джембулатъ вдруг проснулся отважный наѣздник, слава о котором гремѣла в горах. Он быстро построил черкесов и, обнаживши шашку, поскакал на казачий отряд.

На этот раз завалы из лошадей не спасли казаков. Первым через барьер перескочил на своем чудном скакунѣ Джембулат. Но тут же он ранен был пулей. Шашка выпала у него из рук и, как нарочно, упала к ногам кунака Гречишкіна. Нѣсколько черкесов быстро схватили предводителя и помчались с ним в безопасное мѣсто. Но предводитель сдѣлал свое дѣло. Он перешагнул через барьер, а за ним и его всадники.

Началась расправа побѣдителей с побѣженными. Гречишкін и сорок казаков были убиты из ружей, одного урядника черкесы поразили стрѣлами и двух из фальконета. Живых и убитых казаков черкесы изрубили с таким ожесточеніем, что впослѣд-

*) „Сбатовать“ лошадей значит уложить их на землю.

ствіи оказалось очень трудным сложить из отдельных частей цѣлые трупы. Головы, руки, ноги и другія части тѣл казаков и черкесов были так смѣшаны в одну общую массу, что почти невозможно было узнатъ, какая часть какому трупу принадлежала. Казалось, что здѣсь дрались не люди, даже не звѣри, а какія то злобныя чудовища, у которых не было ничего человѣческаго, — ни любви, ни сердца, ни жалости, ни милосердія.

„Казаки пали всѣ до одного“, сказано было в одной из военных реляцій. Так и было, когда ушли отсюда черкесы с раненым Джембулатом, 84 убитыми всадниками и 32 ранеными. На мѣстѣ побоища лежали одни трупы.

Еще перед началом боя Гречишкін послал казака с вѣстями в станицу Казанскую. Там не оказалось казаков и отряд Гречишкіна не дождался помощи. Но когда, наконец, казаки явились на мѣсто побоища и начали разбирать трупы убитых, то между ними нашлись с слабыми признаками жизни три казака — Василій Русинов, Зиновій Пахомов и Клементій Дейкин. Это были живые трупы, лишенные возможности двигаться.

У Василія Русинова прострѣлены были обѣ ноги пулями выше колѣн на вылет, с поврежденіем костей; грудь разрублена шашкой в двух мѣстах; четыре шашечных раны зияли на головѣ и двѣ на шеѣ.

У Зиновія Пахомова обѣ ноги прострѣлены были пулями в четырех мѣстах на вылет, с поврежденіем берцовых костей; шашечных ран оказалось на головѣ четыре, на шеѣ двѣ, на груди четыре, на спинѣ три, а одно плечо было совсѣм разрублено.

Клементій Дейкин весь был покрыт шашечными и кинжалыми ранами; их было восемнадцать.

Так жестоко расправились черкесы с противниками.

Трупы 30 казаков отправлены были для погребенія в родную Казансскую станицу, а сотник Гречишкін с остальными казаками похоронены в братской могилѣ близ своей станицы Тифлісской.

На братской могилѣ по дорогѣ в станицу Тифлісскую стоит надмогильный памятник, прикрывающій прах храбрых линейцев и свидѣтельствующій о том, как жертвовали собою казаки во время Кавказской войны.

IV. НА РАЗВѢДКѢ.

Пластун и развѣдка однозначація понятія. Пластун был всегда впереди — и в походѣ, и при охранѣ границ, — и всегда прежде других узнавал о движеніях непріятеля. Но быть впереди значило подставлять грудь врагу и рисковать жизнью.

Развѣдка, о которой будет рѣчь ниже, произведена была в 1830 г., в то время, когда формировались пластунскія компании. В іюнѣ этого года генерал Безкровный предпринял экспедицію за Кубань против горцев. „Для развѣдок и наблюденія за горцами, доносил наказный атаман Безкровный командующему войсками генералу Еманулю, я организовал партію в 40 пѣших казаков, отличных стрѣлков, храбрѣйших в дѣлах с непріятелем и расторопнѣйших, называемых пластунами“. Пять пластунов, — Яким Шкара, Антон Шеремет, Степан Ермоленко, Грицько Семак и Федор Шринскій, — направились, по порученію Безкровнаго, 22 іюня на разсвѣтѣ по большой дорогѣ за Кубанью к укрѣплению Афипскому. По этой дорогѣ очень часто проходили в укрѣпленіе и обратно транспорты и части войск. Поэтому черкесы всегда зорко слѣдили за дорогой, и ни одному транспорту, ни одной военной колоннѣ не удавалось пройти без того, чтобы не выдержать цѣлаго ряда стычек с горцами. Одни пластуны умѣли проходить по этим мѣстам не замѣченными.

На этот раз пластунам, однако, не посчастливилось. Их замѣтили горцы. Послѣдних было в партіи не менѣе 60 человѣк. Казалось, не могло быть никакого сомнѣнія, что 60 вооруженных всадников легко справятся на открытом мѣстѣ с 5 пѣшими противниками. С гиками бросились черкесы на пластунов. Пластуны по командѣ старшаго из них, Якима Шкары, свернули с дороги и залегли в бурьянѣ. Черкесы, прекрасно знавши мѣткость пластунских выстрѣлов, сразу перемѣнили пріемы нападенія. Вместо стремительно начавшейся аттаки, они издали окружили со всѣх сторон пластунов и криками требовали, чтобы тѣ сдались.

„Гайда! Гайда!“ кричали они, что означало: „выходите! сдавайтесь!“

Пластуны притаились и ничѣм не обнаруживали своего присутствія. Они ждали удобнаго момента, когда горцы подвинутся к ним на выстрѣл. Черкесы волновались и неистово кричали. Болѣе нетерпѣливые из них придвинулись, наконец, на такое разстояніе, на которое могли „достать“ пластунскія ружья. Над бурьяном, где засѣдали пластуны, взвился дым. Грязнули выстрѣлы. Два Горца пали мертвыми. Товарищи бросились подбирать убитых, но пластуны успѣли зарядить ружья и новым залпом убили еще двух черкесов. На выручку к убитым прискакало еще нѣсколько всадников, и опять пластуны убили по выбору трех.

Таким образом, в теченіе нѣскольких минут, у черкесов было 7 человѣк. Горцы опѣшили и благоразумно вышли из линіи пластунскаго огня, продолжая кричать и угрожать издали.

Пластуны ползком стали отступать назад вдоль дороги, в

расчетъ на приближеніе к ним их отряда, в котором по выстrelам могли уже увнать, что развѣдчики столкнулись с врагом.

И на самом дѣлѣ, в это время уже скакал на выстrelы сам генерал Безкровный с казаками. Черкесы, замѣтивши это, бросились бѣжать. Но Безкровный успѣл нагнать их, и казаки взяли в плѣн шапсугскаго дворянинаго Ногая Шеретлука, служившаго раньше лазутчиком у русских, и двух рядовых черкесов. Безкровный всегда заботился о том, чтобы без нужды, даже в горячем боѣ, не убивали и не увѣчили противников, а брали их в плѣн. Храбрые же и неустрешимые пластуны остались даже не оцарапанными черкесскими пулами, благодаря своему умѣнью прятаться в бурьянах.

Сообщая об этом подвигѣ пластунов генералу Емануелю, генерал Безкровный просил представить к наградѣ всѣх пятиных храбрецов за их отважную и умѣлую защиту от врага. Но оказалось, что два пластуна имѣли уже георгіевскіе кресты за подвиги, соединенные с пожертвованіем собственной жизнью.

V. НА ВЫРУЧКУ АТАМАНА.

В январѣ 1830 года командинующій войсками на Кавказской линіи и в Черноморіи генерал Емануель предпринял поход в горы против черкесов. Одна часть войск, под личным начальством Емануеля, направилась в земли свирѣпых агадзехов, а другая, под командою наказного атамана Безкровнаго — во владѣнія неукротимых шапсугов.

Отряд Безкровнаго проник в обширные шапсугскіе лѣса на р. Дехач. Здѣсь произошел цѣлый ряд стычек казаков с шапсугами, которыми предводительствовал шапсугскій дворянин Маамкирей Цоко-Моко, необыкновенно энергичный и отважный горец. Как вожак, он был серьезным противником храбраго казачьаго генерала. Окруживши наши войска, не в мѣру растянувшись в густом лѣсу, шапсуги наносили чувствительный урон отряду. Ожесточенный бой кипѣл во многих мѣстах и достиг крайней степени напряженія.

Маамкирей, с отборными всадниками, приблизился, под прикрытием лѣса и кустарника, к одному из взводов артиллеріи. Черкесы стремительно оттеснили казаков, защищавших артиллерию, убили двух лошадей, ранили двух артиллеристов и схватились за орудіе, что-бы утащить его с собою. Но в это время сюда же прискакал Безкровный с казаками, которые отбросили горцев в сторону и отняли у них орудіе. Черкесы дали тыл, а казаки погнались за ними.

В порывѣ преслѣдованія Безкровный с нѣсколькими казаками отделился от отряда, а к бѣжавшим горцам подоспѣла зна-

чительная помощь. В подавляющем количествѣ черкесы окружили казачьяго атамана с маленькой группой казаков.

Казаки начали отступление, отражая непріятеля пиками. Безкровный сражался в переднем ряду. Горцы нарочно застрѣлили под ним лошадь. Пѣший генерал был окружен со всѣх сторон черкесами, рѣшившими взять его в плѣн живым. Это, быть может, спасло Безкровного от явной смерти. Схвативши пiku, он с искусством стал защищаться ею от цѣлой толпы.

Это замѣтил предводитель горцев Цоко-Моко и поскакал к Безкровному. Горцы дали дорогу своему вождю, чтобы он лично расправился с казачьим генералом. Безкровный тоже замѣтил противника, и в то время, когда Маамкирэ мчался к нему, раздался выстрѣл, произведенный Безкровным из пистолета. Конь взвился на дыбы, а Цоко-Моко свалился с него мертвым.

Тогда к Безкровному бросились разом два горца, жаждавших отомстить атаману за смерть их вожака, но Безкровный заколол обоих поочередно пикой. На смѣну убитых двинулись другіе горцы. Пика генерала моментально была изрублена черкесскими шашками в куски. Атаман вынул из ножен шашку и ранил ею нѣсколько горцев. Но и горцы перестали щадить казачьяго генерала. Его ранили в грудь, раскроили ему шашкой голову, повредили череп и нанесли глубокую рану в правое плечо. Несмотря на эти раны, отличавшійся необычайною физическою силою атаман все еще владѣл шашкою и отражал ею удары горцев.

Замѣтивши опасное положеніе наказнаго атамана, нѣсколько казаков и офицеры Могукоров и Золоторевскій поскакали к многочисленной толпѣ непріятеля. К Безкровному было трудно пробраться. Могукоров, сам родом черкес, едва успѣвал отражать сыпавшіеся на него удары. В этот момент разжалованный из офицеров казак Сотниковъ врѣзлся в толпу горцев и дал возможность Могукорову двинуться за ним. Поражая черкесов шашками, они схватили на руки обезсилѣвшаго от напряженія и лишившагося от потери крови чувств Безкровного. К ним на помощь бросились остальные казаки. Одни из них рубили черкесов, другіе падали под их ударами, но всѣ вмѣстѣ старались образовать живую стѣну, за которую укрыли лишившагося сознанія атамана.

Одни получили при этом глубокія раны, другіе поплатились жизнью, но храбрый атаман был спасен от смерти.

Казаки сдѣлали свое дѣло. Полагаю, не надо пояснять, кто здѣсь был героем — один ли атаман Безкровный, или же и тѣ, которые его спасли и жертвовали за него жизнью?

VI. ЗАБОТЛИВЫЕ ТОВАРИЩИ.

На страницы печати в свое время занесен был поразительный случай трогательного отношения черноморских пластунов к убитому товарищу. Люди, привыкшие с мужеством глядеть в глаза смерти, не могли перенести издевательства неприятеля над трупом убитого товарища и рѣшили пожертвовать в крайнем случае другою жизнью, чтобы прекратить опозорение мертвца.

Дѣло происходило в 1855 году под Севастополем, при необычайной обстановкѣ жестокой войны.

Четвертый бастіон, на котором служили пластуны, дальше других укрѣплений вдавался в черту неприятельской осадной позиціи и, поэтому, нес больше потерь, чѣм другія укрѣплениа. Особенно сильно вредила ему неприятельская мортирная батарея, устроенная в землѣ на разстояніи всего на штуцерный выстрѣл от бастіона. Когда 28 ноября, было заключено между воюющими сторонами перемиріе на нѣсколько часов для уборки убитых, главнокомандующій князь Меньшиков и начальник севастопольского гарнизона граф Сакен прибыли на четвертый бастіон.

Возник вопрос о причинах больших потерь на этом бастіонѣ. Вице-адмирал Новосельский, как на главную причину, указал на подземную неприятельскую батарею. Началось общее обсужденіе способов, с помощью которых можно было бы уничтожить батарею, но никто ничего подходящаго не указал. Тогда присутствовавшій при этом совѣщаніи начальник пластунов Головинскій скромно замѣтил, что просто надо пойти и взять батарею.

— „А сумѣете ли вы сдѣлать это с вашими казаками?“ спросил его граф Сакен.

Головинскій отвѣтил утвердительно и предложеніе его было принято.

Вечером того же дня составился отряд охотников из 390 казаков, 50 моряков и около 100 человѣк солдат. В полночь пластуны, по приказанію Головинскаго, поползли по направлению к неприятельским траншеям и высмотрѣли расположение караулов. При глубокой тишинѣ и со всевозможными предосторожностями, ознакомившись с расположением караулов пластуны повели отряд в обход неприятельских караулов. Когда охотники подошли к траншѣ, то послѣ дружного залпа по неприятельской цѣпи, бросились в траншею, а затѣм и на батарею.

Пока поднялась тревога по ближайшим неприятельским линіям, были заклепаны три мѣдных мортиры. Замѣтивши это, урядник — пластун Иван Герасименко, силач, имѣвшій болѣе арина в плечах, сказал: „жалъ, братці, добро так ніовичит; краще забрати його собї“ и поднявши одну из трех незаклепан-

ных еще мортир, выбросил ее на верх. Его примѣру последовали другие.

Таким образом, охотники, отступая на четвертый бастон, захватили с собой три мортиры. Кроме того, были взяты 41 плѣнных, в числѣ которых были один полковник и один поручик, а также ружья, одежда, ранцы и пр. Отряд быстро отступил на бастіон, выдержавши ужасный ружейный огонь уже у рва четвертаго бастіона. Казаки потеряли 8 человѣк убитыми и 5 ранеными; три пластина были убиты в первой свалкѣ в траншѣ и там остались.

На другой день замѣчена была из ближайшаго к непріятелю ложемента продѣлка цивилизованных противников, глубоко воизмутившая пластунов. К наружной стѣнѣ у траншеи был приставлен спиною убитый наканунѣ в свалкѣ пластиун Ерофей Кобец с таким расчетом, что казаки, стрѣляя по траншѣ, по необходимости должны были разстрѣливать шальными пулями своего убитаго товарища. Между тѣм и вызволить труп убитаго не было никакой возможности, так как пули сыпались градом из непріятельской траншеи.

Тогда пластиуны дождались ночи и, прикрѣпивши к поясу молодому пластиуну Порфирию Семаку длинную веревку, вѣльли ему ползти к непріятельской траншѣ и привязать ее к ногам убитаго товарища. Вслѣд за Семаком был послан другой пластиун, который должен был подтаскивать веревку и замѣнить Семака в случаѣ, если бы был убит этот самоотверженный казак.

К счастью, Семак благополучно исполнил взятую на себя обязанность и, избѣживши непріятельских выстрѣлов, буквально таки под дулами непріятельских ружей, привязал к ногам покойника веревку. Далеко за полночь возвратились обратно оба посланных пластиуна.

Затѣм товарищами покойного осторожно, хотя и не без запинок был притянут убитый и выставленный на позор Кобец к казачьему ложементу, откуда был взят на руки и на другой день похоронен.

Так Семак с товарищем исполнили свои обязанности. Поступки этого рода кроются глубоко, глубоко в нравственной природѣ человѣка.

VII. СМЕРТЬ ХОРУНЖАГО БИРЮКОВА и 48 ХОПЕРЦЕВ.

В боевой жизни казаков на Кубани часто слѣпой случай заставлял казака или биться с врагом до послѣдняго напряженія и остаться побѣдителем, или же сложить голову в непосильной борьбѣ. Позволить черкесу взять в плѣн вооруженнаго

казака считалось позором да и самый плѣн грозил рабством и всѣми ужасами подневольного положенія у враждебных людей.

При таких условіях случилось происшествіе 30 марта 1842 года у р. Харпачук, в одной верстѣ от р. Большого Зеленчука. Здѣсь случайно столкнулись 49 казаков, под командой хорунжаго Бирюкова, с 150 горцами всадниками, возвращавшимися с набѣга, и дѣло сразу приняло такой оборот, что ни та, ни другая партія не могли избѣжать столкновенія.

Ночью, наканунѣ 30 марта, горцы ворвались в Баталпашинскую станицу, сожгли 6 дворов, с разнаго рода имуществом, 86 саженей станичной ограды и ушли от преслѣдованія. Кто были эти горцы и в каком количествѣ, никто не знал. Поднялась тревога по линіи, пошли разнаго рода слухи между казаками.

Когда до начальника Хумаринского участка Бирюкова дошли преувеличенные слухи о нападеніи горцев на Баталпашинск и о мнимом плѣненіи казачьаго населенія, то он немедленно поскакал с 64 казаками и двумя урядниками к Зеленчукам, в расчетъ перерѣзать путь горцам. Дорогою лошади у 13-ти казаков пристали. Бирюков отоспал их обратно на линію, оставил команду в составѣ 51 чековѣка.

Хоперцы поскакали дальше. Но на р. Харпачук, приблизительно около нынѣшней станицы Исправной, они неожиданно наскочили на партію горцев в 150 всадников. Отступать было некогда и некуда. Пославши донскаго урядника и хоперскаго казака Фенева с вѣстями в станицу Баталпашинскую, Бирюков приказал оставшимся с ним казакам спѣхиться и „сбатовать лошадей“, т. е. уложить животных на землю. Эти живыя туши и составили то укрѣплѣніе, за которое укрылись хоперцы, на виду стремительно мчавшихся к ним горцев.

Послѣ обмѣна выстрѣлами с обѣих сторон, в результатѣ чего оказались убитые и раненые, черкесы и казаки вступили в рукопашный бой. С обѣих сторон были обнаружены необычайное мужество и сомоотверженіе и вмѣстѣ с тѣм жажды борьбы и разрушительная стремленія. Казалось люди озвѣрѣли и потеряли человѣческія свойства. Смерть косила своею острою косою людей на право и на лѣво, не считаясь ни с казаками, ни с черкесами. Казаки прикладами убивали горцев, горцы шашками сносили головы казакам. Снисхожденію и пощадѣ не было мѣста.

Но всему бывает конец. Горцы своею численностью задавили казаков. Ни один хоперец не дался в плѣн. Только казак Сидор Мельников, весь израненный, каким-то чудом вырвался из этого адскаго побоища и успѣл ускакать в Баталпашинск.

Когда из Баталпашинска прибыл отряд на мѣсто битвы, глазам казаков представилась полная ужаса картина. На мѣстѣ побоища лежало 19 убитых лошадей и 49 казачьих тѣл. Всѣ казаки были раздѣты до нага, обобраны и на тѣлах их зияли

запекшіяся кровью раны. У каждого из павших казаков было по нѣсколько таких ран. Были раны огнестрельные, рубленые шашками, колотые кинжалами. На тѣлѣ Бирюкова оказалось 8 пулевых ран, 8 кинжалных и 7 сабельных. В кровавом бою и авѣрском ожесточеніи горцам, быть может, казалось и этого мало.

Убитых хоперцев отвеали в Баталпашинскую и Бѣломечетскую станицы. Большая часть убитых состояла из жителей послѣдней.

Их похоронили здѣсь в братской могилѣ.

VIII. ГУРТОВЫЙ, РОГАЧ и ЧЕРНЕГА.

Это были черноморские пластуны, которые до тонкости знали пластунское дѣло и крѣпко соблюдали основное его правило — дѣйствовать сообща и не выдавать друг друга.

В юньскую темную ночь, когда, при новолунії, небо было покрыто мрачными тучами и когда пѣшие черкесы имѣли обыкновеніе ползком, как змѣи, пробираться в станицы в надеждѣ поживиться казачьим добром, — Гуртовый, Рогач и Чернега заняли залогу у плетня станицы Елисаветинской.

Пластун любил секрет или залогу. Притаившись гдѣ нибудь в укромном мѣстѣ, он зорко слѣдил за всѣм, что происходило в окружности, все высматривал, ко всему прислушивался, все узнавал. В самыя опасныя, поэому, минуты пластун, находясь в залогѣ, не только успѣвал хорошо разобраться в окружавшей его обстановкѣ, но и придумать тот или другой наиболѣе подходящій к данному случаю план дѣйствій.

Гуртовый, Рогач и Чернега превосходно знали мѣстность у своей станицы и близь Кубани. Опытные пластуны были увѣрены в том, что в такую ночь черкесы непремѣнно явятся в станицу. Очень уж подходящая для воровских похождений была ночь.

Размѣстившись на извѣстном разстояніи друг от друга, так чтобы можно было охватить наибольшее пространство для наблюденія и незамѣтно подать условный сигнал друг другу при надвигавшейся опасности, пластуны превратились всѣцѣло в служебное внимание.

Малѣйший шорох, игра тѣни, безпорядочное круженіе в воздухѣ летучей мыши, отдаленный лай собаки, легкий топот животного, — все, что дѣйствовало на слух и глаза пластуна, не ускользало от его вниманія. Особой остротой у пластунов отличался слух. Сидя в кустарникѣ или в камышах, пластуны „на хруст“, т. е. по шороху, убивали диких кабанов и пристрѣливали черкесов.

Время клонилось к полуночи. Гуртовый, Рогач и Чернега точно исчезали куда-то. Ни звука, ни малейшего движенья не слышно было там, где они сидели. Но каждый из них с напряженiem следил за тем, что происходило в станице и волея, разгадывая по звукам, где, что случилось.

Но вот Гуртовый особенно насторожился. Вдали, по направлению к Кубани, раздался какой-то странный звук, точно кто-то чихнул. «Черкес!» подумал пластун. Раздалось снова сдержанное, подавленное чиханье. Это ясно разслышал Гуртовый.

Он издал мышиный писк, Рогач и Чернега отвернулись тут же с двух сторон, и ползком бесшумно приблизились к звавшему их товарищу. Молча, Гуртовый прицелился из ружья в том направлении, откуда слышалось чиханье. Товарищи поняли, куда надо направить внимание, и все трое стали терпеливо ждать, что будет дальше.

Скоро для пластунов выяснилось, в чем было дело. К станице подкрадывался не один черкес, а целая партия. Она, по-видимому, была близко от залоги. Ея движение периодически то совершенно затихали, то снова проявлялись слабым шорохом. Горцы, очевидно, в свою очередь, осторожно двигались чтобы не нарваться на разведчиков или на залогу, и прислушивались к тому, что происходило в станице.

Снова Гуртовый приподнял ружье и повел головой направо и налево к сидевшим рядом с ним товарищам. Рогач и Чернега считали Гуртowego старшим и слушались его команды. Мгновенно они также приподняли ружья. Прошла минута. Гуртовый опустил ружье. Товарищи сделяли то же. Не наступила еще пора стрелять.

Несколько раз Гуртовый собирался стрелять и все не мог уловить надлежащего момента. Когда, наконец, он в последний раз приподнял ружье и замятыл, что и товарищи его утвердительно закивали головами, то скомандовал: «пли!»

Раздалось три выстрела. Кто-то не то свалился, не то бросил что-то тяжелое на землю. Послышалась шипящая речь черкесов, и вдруг в нескольких десятках шагов от пластунов освятилось широкой полосой небольшое пространство. Это черкесы отвернулись залпом пластунам по тому направлению, откуда раздались три выстрела. Но опытные пластуны, как только спустили курки, сразу залегли в канаву у станичного плетня, и черкесская пуля просвистела над ними. Только Гуртовый в попыхах не успел прибрать ноги, и шальная пуля угодила ему в пятку.

По выстрелам черкесов пластуны могли уже судить о размере черкесской партии. Им почудилось восемь ружейных, слившихся в один, выстрелов. Черкесская партия была не велика и пластуны решили преследовать ее. Теперь они уже не таились,

а с криком „ура!“ бросились к черкесам. Долгое, напряженное молчание как бы перешло в энергию, которой дрожал каждый мускул пластунов. К тому же они были дома, у себя возле станицы, откуда казаки несомненно дали бы помошь, услыхавши выстрелы.

Ночь несколько спутала расчеты пластунов. Тремя выстрелами они расчитывали отделяться от трех противников из черкесской партии, а как послѣ оказалось, ранили только двух.

Обѣ стороны разрядили уже огнестрельное оружие. Заряжать снова некогда было. Пластуны надѣались на привинченные к ружьям штыки, черкесы полагались на шашки.

Черкесы все-же стали уходить, но казаки настигли их. От Рогача и Чернеги не отставал и раненый в ногу Гуртовый. Нога ныла и болѣла, постіл из кожи дикого кабана, крѣпко привязанный к ногѣ ремешками, был полон крови. Но недаром раненый носил фамилию Гуртовый, т. е. артельный, товарищеский. Он не мог допустить мысли о том, что его вѣрные товарищи останутся в бою одни, без него.

С первого же натиска пластуны так насытили на черкесов, что один из горцев пал под ударами штыков, а другой был ранен. Таким образом, из партии у черкесов выбыло четверо; оставалось еще шесть человек — „по два на брата“, по выражению пластунов. Но у черкесов были раненые и убитый. Нужно было горцам позаботиться о них. Шансы пластунов от этого увеличивались.

Ожесточенная свалка в темнотѣ началась возле убитаго черкеса. Обычай не позволял черкесам оставить труп убитаго товарища в руках непрѣятеля, и они всячески старались захватить его с собой. Казаки не давали убитаго. Тѣ и другие были на сторожѣ друг против друга, и когда одни пытались нанести удары, другие искусно отражали их.

Черкесам нельзя было, однако, терять времени. С минуты на минуту к пластунам могла подоспѣть помощь из станицы, и тогда вся партия черкесов должна была или сложить головы, или же позорно сдаться в плѣн. Горцы по необходимости вынуждены были оставить на мѣстѣ боя убитаго товарища и стали уходить с ранеными по направлению к Кубани. Темнота помѣшала пластунам преслѣдовывать врагов. Черкесы успѣли уйти в заросли к Кубани, пластуны, избавивши станицу от партии хищников, не рѣшились рисковать дальнѣйшим преслѣдованием при не благопрѣятных для них условіях. В кустарникѣ или в камышах, под прикрытием ночной темноты, у горцев мог быть резерв. К тому же раненый Гуртовый стал ослабѣвать от большой потери крови.

„Ну их!“ рѣшили пластуны. Главное было сдѣлано — непрѣятель прогнан. Пластуны повернули назад в станицу.

Приказом по войску от 30 июля 1853 г. исполнявший обязанности наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-майор Кухаренко благодарили Гуртового, Рогача и Чернегу за совершенный ими подвиг по защитѣ станицы.

IX. МОРЕХОДНАЯ КАВАЛЕРИЯ.

В одну из свирѣпствовавших в 1848 году бурь на Черном морѣ была сильно повреждена казенная лодка, попавшая к скалистым берегам близъ мыса Дооб и укрѣплений Кабардинки.

Лодка стояла на якорѣ, но когда разразилась буря, шкипер обрубил канат от якоря и направил лодку к черкесскому берегу. Судно прибило волнами к ущелью Чусхаб, но к самому берегу оно не могло пристать, дул сильнѣйший моряк и, при небольшом морозѣ, прибой волн был так силен, что не было никакой возможности сойти с судна на берег. Один из матросов рискнул покинуть судно — и утонул на глазах товарищей.

Вблизи пострадавшаго судна находился черкесский аул Чусхаб. Чусхабцы, замѣтивши крушение судна, немедленно дали знать в Новороссийск об этом. Для спасенія экипажа и судна из Новороссийска послана была на рысях команда из 40 донских казаков и за нею рота солдат.

Казаки прибыли на мѣсто происшествія далеко раньше пѣхотинцев и рѣшили немедленно спасти моряков. Но как это сдѣлать? Не было иного средства, как превратить казачью кавалерію в мореходную и с помощью ея снять с судна моряков. Так разсудили донцы и кликнули клич, кто возьмется это сдѣлать. Из 40 человѣк выявилось 15 охотников поплыть в море на лошадях за погибвшими моряками.

Но первая же попытка в этом родѣ окончилась полною неудачей. Сухопутная кавалерія не освоилась еще с мореплаванием. Волны сшибали казаков с лошадей и остальным казакам приходилось спасать вмѣсто моряков своих же товарищей.

Но казаки не опустили рук. Снова и снова гнали они лошадей вперед в волны, — и снова и снова свирѣпые волны выбрасывали обратно на берег людей и животных. Мокрые донцовцы выбивались из сил и дрожали от холода.

Неужели казакам придется признать себя побѣжденными морем? Что же тогда скажет им Синий Дон? Донцы не могли допустить мысли о невозможности одолѣть добруму всаднику волны. До судна было так недалеко. Казалось, стоило только подать руку, чтобы спасти погибвших моряков. Подумали-помнили обезкураженные донцы и остановились на средствѣ, с котораго слѣдовало бы начать экспедицію в море. Вмѣсто того,

чтобы держаться в водѣ друг за друга и за лошадей, нужно было сдѣлать из лошадей живой плот. Казаки пустили в ход узелочки и подпружи, связали ими лошадей и, держась за ремни, казачьей „лавой“ двинулись к судну.

На этот раз спасовали морскія волны перед казаками. Донцам удалось пробраться к самому судну и снять шкипера, матроса и гвардіона с судна. Но море жертв хотѣло. Бушующія волны вырвали из рук спасителей шкипера — и он погиб в волнах.

Примѣр такой самоотверженности облагораживающим образом подѣствовал и на черкесов. Черкесы забыли свою вражду к русским и всячески старались помочь донцам спасти погибающих. Мало того собственно Чухабцы вооружились и стали на защиту имущества с погибшаго судна, когда удалились русскіе и когда на мѣсто происшествія явились другіе горцы и хотѣли разграбить выброшенныя на берег вещи с судна.

Что сталося с черкесами? Они заразились подвигом героев, рисковавших жизнью из за спасенія близких. Иного объясненія нельзя дать, потому что чухабцы сохранили вещи не для себя, а для тѣх, кому они принадлежали.

Так заразителен бывает добрый примѣр.

Х. БАБА-КАВАЛЕР.

В шестидесятых годах, в базарные дни в г. Екатеринодарѣ, можно было часто встрѣтить старуху казачку, на груди у которой красовался военный орден Св. Георгія. Старуха была высокаго роста и прекраснаго сложенія. Она ходила медленною самоувѣренною поступью, с приподнятой головой, и держала себя с достоинством, как человѣк, знавшій себѣ цѣну. Чуть замѣтная улыбка скользила у нея по лицу, когда в базарной толпѣ раздавался чей-либо голос: „дивись! дивись! Баба з хрестом!“ Это лъстило старухѣ. Она гордилась своим знаком отличія.

Баба кавалер, как называли ее на базарѣ, привозила из сосѣдней станицы продукты своего хозяйства в Екатеринодар для продажи. Всѣ у нея охотно покупали масло, сметану и яйца. И много рассказов ходило о ней, из которых впослѣдствіи я слышал от одного из казачьих офицеров слѣдующій.

Когда черкесы убили мужа у старухи, она была еще молодой женщиной и осталась в семье одна с малыми дѣтьми. Она не упала духом, не стала ныть и жаловаться на судьбу, не ожидала помощи со стороны, а крѣпко взялась за хозяйство. Оставшійся послѣ мужа скот был сбережен, посѣвы произвѣдила она со своими малышами, хлѣб молотила и сѣно возила

также сама с дѣтьми. Только косарей приходилось ей нанимать, но на это она умѣла припасать деньги. Одним словом, хозяйство спорилось у казачки и казачка сходила за казака.

Так казаком она и держала себя. Когда требовалось, то выставляла подводу в станичное правленіе, возила арестантов или солдат и давала хату под постой. Даже военной частью занималась. За ружьем мужа она ухаживала не хуже любого пластиуна, чистила и смазывала его, умѣла заряжать и разряжать и держала в исправности всѣ принадлежности к ружью — отвертку, баранчик, жирницу и шомпол. Когда она выѣзжала со двора в поле, то брала с собою ружье, бережно укладывая его на возу рядом с собою, чтобы оно было во всякую минуту под рукою, дѣлала это точь в точь так, как ея покойный муж.

Казаки иногда шутя спрашивали казачку: „що це у тебе, Марино?“ Показывая на ружье.

— „Самопал“, невозмутимо отвѣчала она.
— „А ми думали рогач“, шутили казаки.
— „Егеж!“ спокойно она обрывала казаков.
— „І на що ти таскаеш ружje з собою?“ приставали казаки. „Побачить його у тебе черкеси, однімуть та тебеж із нього і убьют!“

— „Нехай попробуют!“ говорила вызывающе Марина. Казаки шутили, а сами были увѣрены, что при случае Марина может дать сдачи хоть и черкесу.

И такой случай дѣйствительно произошел. Осенью Марина ъхала на быках с пустым возом в поле за тыквами, которая хорошо уродились в этом году, и думала о том как она откормит ими к Рождеству старую свинью и какія прекрасныя колбасы и сало получатся из откормленной свиньи. Она так замечталась, что не замѣтила, как подошел к возу черкес и как он взобрался даже к ней на воз.

Черкес был вооружен и повидимому намѣревался овладѣть быками и казачкой. Он нѣсколько раз бросал взгляд в сторону Кубани, намѣчая спуск к рѣкѣ. Он был увѣрен, что джигиту легкое справиться с женщиной и безцеремонно потянулся к ней.

Марина оторопѣла, увидѣвшіи черкеса у себя на возу, но ловко отпихнула от себя непрошенного гостя, толкнувши его так удачно в грудь, что он чуть не свалился кубарем с воза. „Що його робить?“, мелькнуло в головѣ Маринѣ. „Попробую прогнать его“, подумала она, но сообразила, что пожалуй он не поймет русскаго языка. Вдруг блестящая мысль озарила ея голову. Марина припомнила подходящее, казалось ей, черкесское слово.

— „Якши*) с воза!“ обратилась она к черкесу. Черкес оправился от толчка и с улыбкой повторил: „Як-

*) Якши — хорошо.

ши! Якши!“ Он понял Марину в том смыслѣ, что казачка спрашивала его, хорошо ли тот тумак, которым она угостила его, и весело разсмѣялся, покручивая лукаво головой.

— „Чого ж ти зуби скалиш?“ напустилась Марина на черкеса. „Толком кажу тобі: якши з воза, ну — й, якши!“

Черкес снова усѣлся на воз, и покаывая на войлок, оказался у него под сидѣнем, твердил с улыбкою: „якши! якши!“

— „Ось тебi!“ овiliлась казачка и запустила в него полѣном, которое подобрала она по дорогѣ.

Маринъ почему-то казалось, что это был мирный черкес и что с ним, как с своим человѣком, женшинъ доволяется расправиться по домашнему.

Но черкес вспыхнул, как порох, он понял, что казачка не шутит с ним. Прошипѣвши: „яман*), марушка!“ он вынул шашку из ножен и с угрожающим видом поднял ее вверх, но в тот момент, когда сверкнула шашка, Марина успѣла вытащить из под войлока ружье, и когда шашка опустилась на Марину, казачка со всей силы ударила штыком в живот черкеса и произвела одновременно выстрѣл.

От двойного удара черкес грохнул на возѣ мертвым, но и его шашка захватила плечо Маринь, причинивши ей рану.

Марина крѣпко стянула себѣ раненое плечо, уложила черкеса на возу, прикрывши его войлоком, и поѣхала обратно в станицу. Здѣсь она направилась прямо в станичное правленіе и передала казакам убитаго черкеса, разсказавши, как было дѣло.

Через мѣсяц храбрая казачка награждена была военным орденом.

Я не знаю, к какой казачкѣ относится этот разсказ, полу-
чившій уже характеръ легенды, сказанія. Но, обучаясь в уѣздном училищѣ в Екатеринодарѣ, в дѣтствѣ я неоднократно видѣл на базарах бабушку-казачку с Георгіем на груди и знал, что она была из станицы Пашковской. Многіе из моих сверстников навѣрное и теперь еще помнят ее.

Есть и другой болѣе близкій, может быть, к дѣйствительности происшествія в Пашковкѣ, вариант о бабѣ кавалерѣ, появившейся в шестидесятых годах на базарах г. Екатеринодара.

Черкесы, узнавшиѳ о временном отвлечениѣ из станицы большої части мужскаго служилаго населенія, произвели ночью набѣг на станицу. Баба кавалерѣ была в то время уже вдовою и, с появлением черкесов в станицѣ на улицах, стала на защиту собственного двора и имущества. Выведя из стойла пару волов, она привязала их на виду вблизи входных дверей в хату и против входа из улицы во двор через ворота. Первый же черкес, увидѣвшіи пару рослых волов, бросился через ворота во

*) Яман — гадкий, худой.

двор, что бы захватить так легко, казалось, дававшуюся в руки добычу. Но лишь только он показался вблизи волов, как казачка, занявшая выгодную позицию в сънях у входных в хату дверей, выстрѣлом из ружья положила на мѣстѣ непріятеля. Той же участи подверглись и другіе охотники за соблазнительными волами.

Вот за этот хитрый пріем расправы с черкесами казачка и получила военный орден Св. Георгія. И это, конечно, возможный и характерный для того времени военной вражды случай. Обстоятельства не рѣдко слагались так, что когда черкесы, в поисках за поживой, нападали на близ лежавшія к Кубани станицы, то с ними сражались, не только женщины, но и дѣти. Покрайней мѣрѣ в дѣствѣ я не раз слышал об этом. И нѣт ничего не возможнаго, что женщины и дѣти также проявляли свою долю героизма и подвижничества.

XI. ВОСКРЕС ИЗ МЕРТВЫХ.

На Джигинскую батарейку, расположенную в устьѣ Джиги или Кубани, 18 марта 1834 года явилось два черкеса. Они прошли урядника, командовавшаго батарейкой, послать кого-либо из команды на ту сторону Джиги, гдѣ находились будто бы черкесы перебѣжчики, желавшіе перейти в Черноморію к казакам. Урядник, взявшіи с собою одного казака, лично отправился на лодкѣ к противоположному берегу рѣки.

Здѣсь черкесы завели с ним оживленный разговор. Урядник, стоя в лодкѣ, из предосторожности не выходил из нея, разговаривая с горцами. Вдруг один из них быстро выхватил пистолет и в упор выстрѣлил из него в урядника. Как сноп свалился урядник в рѣку.

Сидѣвшій в лодкѣ казак быстро оттолкнул ее от берега и еще быстрѣе погнал ее на противоположную сторону Джиги. Он благополучно прибыл к Джигинской батарейкѣ, и передал, как черкесы убили урядника и как сам он едва спасся от черкесов. Пожалѣли казаки о товарищѣ урядникѣ, пожелали ему царство небесное и вѣчный покой и быстро снарядили погоню за вѣроломными черкесами.

Вѣсть об убитом черкесами урядникѣ разнеслась и по другим укрѣпленіям. Узнали об этом и товарищи казаки, находившіеся в ближайшем Джеметеїском укрѣпленіи, расположенном на другой сторонѣ Кубани. И здѣсь казаки пожалѣли доброго товарища и пожелали ему царство небесное и вѣчный покой.

Между тѣм убѣгавший в суматахѣ казак Джигинской батарейки не замѣтил, как черкесы извлекли из рѣки урядника и повезли его с собою. Посланная за ними в погоню ка-

зачья команда не догнала черкесов и не могла выяснить, куда дѣлся урядник. Думали, что его увлекло течением воды куда-нибудь дальше.

Когда черкесы вытащили из воды урядника, он оказался жив, но серьезно ранен в бок. Сообразительный черноморец рѣшил воспользоваться этим обстоятельством и стал изображать из себя человѣка безнадежно раненаго. Когда черкесы привезли его в ближайшій аул, он сдѣлал вид, что рана не позволяет ему ни встать, ни сѣсть. Черкесы не рѣшились везти пленника дальше, чтобы сильнѣе не разбередить ему раны. Это уже было выигрышем для черноморца: он был близако от батарейки.

Черкесы усердно ухаживали за больным и лѣчили его рану в надеждѣ на хороший выкуп или на сбыт его в Турцию.

Прошло девять дней со времени происшествія на Джигѣ. Утром 27 марта часовой на Джеметейском укрѣплении замѣтил, как кто-то пробирался к укрѣплению. Сначала дозорный подумал, что это подкрадывался к укрѣплению черкес, но неизвѣстная фигура подавала какіе-то знаки.

Извѣщеніе об этом казаки бросились к таинственному незнакомцу. Лишь только приблизились к нему, фигура поднялась, приложивши обѣ руки к одному боку.

— Та це ж джигинскій урядник! воскликнул один.

— „Я!“ послышался слабый отвѣт.

— „Воскрес значит, из мертвых?“ не утерпѣл черноморец, чтобы не с'острить в этом случаѣ.

— „Восъ ес!“ произнес слабым голосом бѣглец и, показывая на рану, которую он охватил руками, в изнеможеніи упал на землю. Рана еще не зажила и напряженіе, потребовавшееся больному для того, чтобы совершить побѣг, обессилило его.

Но рана впослѣдствіи зажила и воскресшій из мертвых урядник продолжал служить на линії.

XII. МИКИТА ЛИТВИН.

Микита Литвин был десятилѣтній мальчик, сын вдовы. В этом возрастѣ он считал себя самостоятельным человѣком и сердился, когда мать называла его уменьшительным Микитка. Какой он, в самом дѣлѣ, Микитка? Отца его убили черкесы, мать была беззащитной женщиной, двое братишек — совсѣм малыши и никого больше в домѣ; он вѣдь самый большой.

Живой и сообразительный мальчуган, поэтому, держал себя свысока со сверстниками и, в случаѣ каких либо недоразумѣній, храбро вступал в драку и дрался до послѣдней возможности. Если противник был сверстник, Микита тузил его молча и сам не плакал, когда ему было больно от ударов соперника; а если

на Микиту нападал взрослый, то Микита кусался, царапался, дрыгал ногами, кричал и плакал, но не сдавался. Неприлично было сдаваться лицу, стоявшему во главѣ семьи.

Ходил Микита, когда хотѣл и куда желалось ему. Выйдет за курень, пойдет по степи и разгуливает вдали от жилья, без малѣйшей боязни и смущенія. Сколько раз мать, пытались пугать Микиту черкесами, мальчик не обращал на эти предостереженія никакого вниманія.

В 1814 году черкесы мелкими шайками проникли далеко в черноморскія степи, забирали плѣнников, угоняли скот и грабили одинокіе хутора. Одна из таких партий случайно захватила вдали от куреня и Микиту Литвина. Микита начал было кричать и брыкаться ногами, но старик черкес вынул из ножен огромный кинжал и поднес его к самому носу сопротивлявшагося Микиты — и Микита смолк и покорно сѣл на круп лошади свади чёркёса.

Плѣнного Микиту черкесы повезли в горы и водворили в семье старика — суроваго и требовательнаго горца. Микита плохо одѣвали, еще хуже кормили и вставляли все дѣлать — и воду таскать, и дрова рубить, и за скотом ходить, и старой марушкѣ прислуживать. И вот тут-то свободный казак Микита Литвин и почувствовал неволю. Ни пойти куда-нибудь, ни даже выглянуть из сакли черкесы не позволяли Микитѣ, а в первое время так и привязывали его крѣпко на ночь.

Микита подумал-подумал и стал послушным мальчиком. Веселый нрав, быстрое выполнение поручений и пріязненное, без всякой тѣни враждебности, обращеніе с хозяевами скоро создали Микитѣ довольно сносное положеніе. Особенно благоволили к нему черкешенки. Микита умѣл увеселять их то пѣснями, то танцами, а иногда в саклѣ старого черкеса он давал цѣлое представленіе: становился на голову и ходил на руках, поднявши вверх ноги, и вызывая веселый смѣх.

Когда Микита нѣсколько освоился с черкесским языком и понял, что черкешенки желали знать, как его зовут по имени, то не без важности буркнул: „Микита“ — „Мекет!“ переспросили его черкешенки. — „Мекеке!“ шутливо отвѣтил мальчик. С тѣх пор черкесы дали Микитѣ кличку „Мекеке“.

Микиту стали пускать на улицу и в аул. Сначала черкесскіе мальчики недружелюбно отнеслись к нему, щипали его, и, выкрикивая „мекеке! мекеке!“ указывали на большого уличного козла. Козел имѣл огромные рога и сильно бодался. Черкешата, поэтому, боялись подходить к нему.

Но Микита был не труслив. Наклонившись всѣм корпусом вперед и разставивши у головы руки на подобіе рогов, он пошел прямо на козла, издавая громкое: „мекеке! мекеке!“ козел в свою очередь важно опустил рога к землѣ, но не двигался с

мъста. В этот момент Микита вдруг одним прыжком очутился на спинѣ животнаго, вѣпился в его густую шерсть руками и, когда ошеломленный козел с ревом „мел мел мел“ помчался по улицѣ, Микита громко орал: „мекеке! мекеке!“

Продѣлка Микиты привела в восторг черкешат. Они сразу измѣнили отношенія к нему и приняли в свою компанію. С тѣх пор Микита стал вожаком у черкешат, придумывая им всевозможныя игры и шалости.

Так мало по малу Микита завоевал себѣ довѣріе и улучшил свое положеніе. За ним не слѣдили и без нужды не стѣсняли его.

Скоро потом Микитѣ поручили пасти скот со взрослыми черкесами, и Микита начал осваиваться с горами и лѣсистою мѣстностью. К концу года Микита знал окрестности аула на много верст и то направлениѣ, по которому надо было бѣжать на родину.

И вот в одно время, когда старый бжедух, набравши шайку удальцов, отправился в набѣг на Черноморіо, Микита, захвативши достаточно провизіи, большой кинжал старика и лучшій его пояс, ночью ушел из аула. Когда на другой день утром черкешенки хватились Микиты, он был далеко по направлению к Кубани, ловко прячась от встрѣчи с горцами. На третій день побѣга он переправился верхом на бревнѣ через Кубань и явился на кордон к казакам.

Что сталоось с Микитою послѣ, неизвѣстно, но в архивѣ Кубанскаго казачьяго войска значится, что в 1815 году выбѣжал из плѣна мальчик куреня Переясловскаго Микита Литвин.

О ГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
Казачьей общественности от Правления Общества изучения Казачества и Союза Кубанских писателей и журналистов.	3
От автора	4
I. Геройская смерть Тиховского и 146 сподвижников его	7
II. Герой атаман	10
III. Всѣ до одного	11
IV. На развѣдкѣ	14
V. На выручку атамана	16
VI. Заботливые товарищи	18
VII. Смерть хорунжаго Бирюкова и 48 хоперцев	19
VIII. Гуртовый, Рогач и Чернега	21
IX. Мореходная кавалерія	24
X. Баба-кавалер	25
XI. Воскрес из мертвых	28
XII. Микита Литвин	29